

© 1996 г.

В.П. МАКАРЕНКО

ТЕОРИЯ ДЕСКРИПЦИИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАТЕОРИЯ

МАКАРЕНКО Виктор Павлович — доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией философских проблем политики Ростовского государственного университета.

В России, правда, с запозданием по сравнению с другими странами, началось обсуждение проблемы специфики политической метатеории. Для нашей страны это — чрезвычайно важное обстоятельство. С одной стороны, оно способствует осмыслению современной российской политики, а с другой — предполагает серьезный научно-теоретический диалог с разработчиками -данной проблематики в других странах. В совокупности же все это формирует не только тенденцию к адекватному пониманию российской политической реальности, но и открывает возможности к обсуждению общечеловеческих представлений о политике, выработке общезначимого политического языка и типов политической фактуальности, составляющих важнейший содержательный аспект политической социологии.

Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 95-06-17929) по теме «Метатеория политической реальности».

Политический язык и типы политической фактуальности. Любые социальные идеалы, ценности и нормы формулируются в рамках обыденного языка, которым оперируют группы, обладающие властью или стремящиеся к ней [1]. Сущность политического языка в том, что каждое понятие лишается строгого теоретического смысла и превращается в абстракцию, под которую можно подвести и оправдать любые действия данных групп. Политический язык (ПЯ) есть средство экстеризации идеологии и навязывания гражданам воли властвующих. Выбор словаря и синтаксиса есть политический акт, который определяет факты и способ их восприятия. ПЯ соединяет функции регистрации и преобразования природных и социальных фактов. В результате постулированная и реальная действительность сливаются, что приводит к различным формам ее деформации и контроля. Оценка в политических речах и текстах предшествует регистрации фактов для воздействия на эмоции, а не на разум. Предпочтение общих формулировок и абстракций приводит к монотонности семантики ПЯ. Этому способствует также использование языковых шаблонов и стереотипов, доминирование комментария над информацией. В ПЯ как инструменте идеологии следует выделять первый план (доступный для большинства адресатов) и второй план, предполагающий умение «дешифровки» политических текстов посредством учета акцентов, контекста, игры общепринятых конвенций, словаря, фразеологии и стилистики.

В плане интересующей нас темы наиболее важны следующие свойства ПЯ: скрытая аксиология; перемещение смысла политических речей, рассуждений и текстов в сферу непроверяемости; создание и оперирование такими смысловыми конструкциями, которые либо содержат явную и скрытую ложь, либо стремятся выйти за рамки любых критериев истины и лжи; агрессивность, возрастающая по мере использования средств массовой информации, массового искусства и массовой культуры; использование игровых моделей для маскировки указанной агрессивности. Подчеркнем, что именно эти свойства языка аналитическая философия и постструктурализм сделали одним из главных предметов познания.

В связи с этим возникает вопрос: что вообще считать политическим фактом, если его значимость обычно устанавливается задним числом, и возможна ли типология политических фактов, если политический язык обладает явной тенденцией сделать проблему теоретически неразрешимой? Следует учитывать также, что историография фактов (не терминов, а жизненных, научных, политических и социокультурных феноменов) предполагает адекватную универсальную концепцию факта, соотносимую с историческими инвариантами категориального членения «реальности», «бытия», «опыта». Таких разработок ни в философской, ни в социологической литературе пока нет [2]. В то же время осознано, что ориентация на историзм и социокультурную конкретику, включая ее политический фон, есть важнейшее условие построения и развертывания универсальной теории факта. Б. Рассел способствовал категориально-двойственному пониманию «факта», которое в современной методологической литературе квалифицируется как «бифактуальность».

Однако применение «бифактуальности» пока ограничивается рамками науки и научных фактов. Использование логико-методологических идей аналитической философии для анализа политических фактов осложняется тем, что большинство методологов-аналитиков выступают против онтологизации факта и осуществляют его гносеологическую и языковую редукцию. С другой стороны, в современном методологическом сознании господствует и н о р м а т и в н о - э л и м и н а ц и о н н а я установка: определенное значение термина («факт» = «эмпирически истинное высказывание») объявляется нормой, а все отклонения от нее, встречающиеся в практике реального употребления термина, признаются нерелевантными и исключаются. Проблема в том, что как раз из таких исключений состоит весь корпус политических текстов, а если признать политический язык универсальным, то исследователь либо вынужден стать на позиции кратоцентризма как одного из вариантов монистического детерминизма, либо отвергнуть специфику политической реальности. Кроме того, язык обычно выступает «инструментом» исследования любой реальности, включая политическую, и

одновременно входит в состав исследуемых феноменов, выражаемых в том же языке, а потому является и объектом анализа. Возможен ли выход из этого «замкнутого круга»?

Определенным шагом на этом пути может быть конструктивно-генетическая установка, ориентирующаяся на восстановление полноты бытия факта в любой его партикулярной форме, достройке его до целостного феномена, потенциально способного по набору свойств, функциональных структур и смысловых интенций. Эта установка рассматривает исходное значение термина «факт» в качестве «культурного гена» соответствующего гносеологического, онтологического, политико-социологического и культурологического обобщения.

Какую из установок избрать при создании типологии политических фактов? В принципе обе они позволяют осуществить экспликацию универалистских концепций власти и политики и типологически их локализовать в зависимости от эмпирического содержания концепций факта, с которым работает методологическое сознание. Тем не менее исследователь политики вынужден осуществлять процедуру выбора. Кратко рассмотрим пространство данной процедуры.

С методологической стороны оно задается возможностью полной редукции политических фактов к той или иной языковой системе при жесткой нормативности и самодостаточности последней. Существует большой соблазн истолковать политические факты как «атомарные» и «молекулярные» в пространстве «логически совершенного языка» раннего Л. Витгенштейна, как «протокольные предложения» М. Шлика, представляющие собой синтаксические оболочки естественного языка для заполнения их содержанием «чувственных данных».

Не меньший соблазн содержат концепции, базирующиеся на соотношении и отождествлении политических фактов с некоторым не поддающимся дефиниции, но исключительно важным аспектом человеческого опыта, атрибутом сознания, модусом бытия. Такие концепции факта развиваются в рамках персонализма, неореализма, философии жизни, психоанализа, феноменологизма, экзистенциализма, герменевтики, аналитического бихевиоризма, культурной антропологии, лингвистической прагматики и т.п.

Если согласиться с первым подходом, предполагающим использование языка и языкового синтаксиса в качестве заместителя и представителя реальности, подчинение языка чувству и интуиции факта, то следует либо предположить, что политики всех времен и народов были «идеальными логиками», либо полагать свойства политического языка нормой научного исследования. Первое предположение не соответствует действительности, второе снимает различие между наукой, властью и политикой. Если согласиться со вторым подходом, в рамках которого язык не фиксируется в определенном пространственно-временном состоянии для описания соответствующих феноменов, а факт конституируется как некоторый предметно-отнесенный, коммуникативно-определенный и модульно-выраженный инвариант, то либо следует предположить, что политический язык совпадает с мистическим освоением социального и политического мира, либо полагать, что политическое «творчество» (особенно процессы образования новых государств) во времени и пространстве совпадает с формированием языков, философских концепций и вообще всей духовной культуры человечества. И хотя можно привести немало примеров такого рода (почти в одно и то же время французский дипломат Талейран провозгласил: «Язык дан человеку для того чтобы скрывать свои мысли», а дипломат Российской империи Тютчев выразился еще более определенно: «Мысль изреченная есть ложь»; преобразование календарей и грамматик духовной и светской властью; различные варианты «культурных революций» и т.п.), все они могут служить лишь фиксацией некоторых предельных состояний политического языка и политической фактуальности, которые (состояния) ни в коем случае не могут служить образцами для подражания.

Излишне доказывать, что данные проблемы практических политиков нисколько не волнуют. Но исследователь политики не может быть к ним равнодушен, поскольку описанные свойства политического языка определяют меру социальной и

политической ангажированности исследователя. Если перефразировать М. Вебера, исследователь политики не обязан быть ни верноподданным, ни анархистом, ни революционером, ни апологетом, ни поверхностным критиком социальных и политических систем. Зато он обязан осознавать эту меру, которая в конечном счете сводится к альтернативе: политическая эпистемология может основываться на самопризнаваемом логическом круге и продуцировать парадоксы политического существования, или на утверждении о собственной достоверности и продуцировать догмы для укрепления естественного догматизма подавляющего большинства людей, включенных в социальные и политические процессы. Проблема истинности любых вариантов политической методологии и теории зависит от эпистемологического и аксиологического выбора.

Политическая аксиология. Если поставить вопрос: существуют ли точки пересечения аналитической и неокантианской методологий социального познания, то ответ можно суммировать в нескольких положениях: истинность и смысл теоретических утверждений возможны лишь в контексте определенной теории; истина и смысл — имманентные характеристики человеческого познания и сами по себе не могут рассматриваться как онтологически реальные; понятия, которыми мы оперируем, не имеют предопределенного смысла: не существует объективных оснований для однозначного решения вопроса о точном смысле конкретного высказывания (У. Куайн назвал это холизмом); нет оснований для утверждения, что наблюдаемое есть существующее; факты, которые интерпретируются как эмпирическое подтверждение или опровержение теории, являются и выполняют функцию фактов лишь потому, что признаются данной теорией; факты приобретают статус фактуальности на основе intersubjectивного консенсуса, который формируется путем взаимодействия признаваемых научным сообществом теоретическими конструкций и объективного мира; поскольку факты весьма сложным образом связаны с теоретическими схемами, включая их неявные основания, размывается граница между фактами и ценностями; из-за этого нормативные высказывания превращаются в составную часть теоретизирования в социальных науках.

Из этих положений вытекает ряд следствий для политической аксиологии. Объяснение и понимание может трактоваться в ней по схемам естественно-научного и гуманитарного знания. Объяснение имеет дело с пространственным, а понимание — с временным подходом. Здесь возникает первый вопрос: какой тип восприятия и истолкования реальности типичен для практического политика и политолога? Поскольку политический сциентизм в нашей цивилизации приобрел широкое распространение, политики и политологи предпочитают естественно-научные схемы объяснения. Существует и противоположная тенденция, настаивающая на приоритете понимания в гуманитарных, социальных и политических науках. И хотя второй подход мне импонирует больше, нельзя пренебречь тем, что холизм разрушил строгую границу между указанными подходами. Сближая субъективные ощущения и объективные факты, он подорвал претензии позитивизма на статус строгой науки и показал беспочвенность надежд сторонников «понимающей интерпретации» достичь понимания теоретических систем, принадлежащих к различным культурам и языкам. В частности, лидеры Познаньской методологической школы (Е. Кмита, Л. Новак, Е. Топольский) показали, что абсолютное большинство ныне существующих методологических концепций во всех сферах социальных знаний не удовлетворяют принципу методологического антииндивидуализма. Политическая аксиология как разновидность политической эпистемологии должна учитывать, что различные варианты политической теории и методологии есть арена конфликтного взаимодействия объяснения и понимания.

Хотя политическая наука и практическая политика (по аналогии с фактами и ценностями) частично пересекаются, они все же остаются различными. Отсюда следует, что ни одно политическое действие не может быть легитимизировано наукой из-за неустранимого элемента условности в научном знании и различия между суждениями факта и суждениями долженствования, если даже признается нормативная концепция

истины. Тем самым невозможно избежать парадокса К. Маннгейма: все теории неизбежно являются идеологическими, и в то же время следует проводить различие между теоретическими конструктами, опирающимися на реалии политики, с учетом того, что социальные и политические факты (понятийная фиксация «эмпирических объектов») по существу превращаются в одну из манифестаций теоретически уже перестроенной политической реальности [2, с. 233] и политическими программами как воплощением таких манифестов.

Наиболее важно то, что теоретический плюрализм и методологический анархизм неизбежны в социальных и политических науках ничуть не менее, чем в науках естественных, в противном случае мы впадаем в тоталитарное мышление. Как бы ни относиться к этому тезису П. Фейерабенда, нельзя отрицать, что внутренних оснований для принятия одной и отбрасывания другой теоретической схемы не существует. Здесь тоже располагается сфера выбора политолога, но этот выбор зависит уже от веры, политических убеждений, исследовательских интересов, институциональных предпочтений и ценностных ориентации. Однако, как показал Е. Кмита, «чем менее элементарными являются данные ценности, тем вероятнее возможность отказа от их реализации» [3]. В связи с этим мне представляется продуктивным использование результатов анализа противоречий нормативно-оценочных систем, осуществленного Л. Колаковским [4], для исследования всей сферы политических норм и ценностей независимо от их пространственно-временной локализации.

Но и в этом случае не уйти от проблемы критериев отличия одних социальных и политических теорий от других. Можно сравнивать любые теории по критерию когерентности. Это сравнение частично помогает отделять зерна от плевел в политологическом знании, но не дает возможности сделать выбор между конкурирующими теориями, поскольку они могут быть равнозначными с точки зрения логической и фактуальной обоснованности. Можно детально изучать способность политических теорий действительно объяснять сферу политических фактов, событий и языка, но неясно, как осуществлять процедуры их верификации и фальсификации. Большинство ученых полагают, что они прямо соотносят теории с фактами, но такая точка зрения противоречит множественной фактуальности и должна быть отвергнута. И. Лакатос показал, что сдвиг исследовательских парадигм следует признать дегенеративным, если изменения в «мягком ядре» понятий и гипотез перевешивают то дополнительное эмпирическое содержание, ради которого делались такие изменения. Подход Лакатоса полезен при выборе конкурирующих теорий внутри одной парадигмы, но не объясняет, как разрешить спор нескольких теорий, принадлежащих к разным парадигмам.

Что же считать парадигмой политического знания в социокультурном регионе Европы? По всей видимости, речь может идти о трех главных концептуальных традициях истолкования власти: власть есть господин общества; власть есть слуга общества; власть и общество находятся в отношениях взаимоотрицания и взаимоположения. Кроме того, надо учитывать четыре операциональных определения политики как особого вида искусства: ведения публичных дел; захвата, удержания и использования власти; непримиримой борьбы между различными социальными силами, включающей использование всех доступных средств; достижения компромисса. Причем все эти традиции и определения необходимо иерархизировать по степени их независимости от экономики, государства и идеологии, поскольку любые варианты такой зависимости дают разновидности социального и методологического экономикоцентризма, этакратизма и идеократии. Такая иерархия нужна для постоянного дистанцирования любого научного исследования и социального поведения ученых от социальной и политической конъюнктуры.

Однако достижение этого идеала блокируется рядом свойств научного сообщества, по-разному проявляющихся во всем корпусе научного знания: ценностные ориентации ученых влияют на выбор объектов и методов исследования; механизмы самозащиты научного сообщества (сплоченность, многочисленность, компетентность в определен-

ных областях знания, критицизм) делают из него разновидность корпорации; корпоративность и консенсус ученых затрудняет поиск истины. В результате возникает поле возможного интеллектуального поиска, которое априорно определяется большинством научного сообщества как не заслуживающее внимания и ложное. Совершенно ясно, что это поле определяется м е р о й з а в и с и м о с т и ученых от власти и политики, которая (мера) должна изучаться в пространственно-временной конкретности.

Следует учитывать еще ряд факторов, увеличивающих эту меру: конфликт поколений и время нахождения на административных должностях конкретных ученых; политическая, экономическая и социокультурная среда через средства массовой информации воздействует на представления ученых об актуальности, важности и полезности теорий; не меньшую значимость имеют политические склонности и предпочтения ученых, из-за чего теории, которые ставят неудобные вопросы и дают неприятные ответы, нередко игнорируются, тогда как соответствующие господствующие политическим ценностям и ожиданиям имеют больше шансов на принятие; эта опасность увеличивается при господстве одной идеологии, но она существует и при идеологическом плюрализме, поскольку идеологическая гегемония зависит от смены поколений, изменения оценки значимости конкретных социальных явлений, политической среды, статуса" научного сообщества и отношений между ним и другими социальными и политическими элитами; наиболее влиятельными обычно оказываются взгляды и концепции ведущих ученых, занимающих господствующее положение в научном сообществе и влиятельное положение в обществе в целом.

Выводы. Советы политикам являются безнадежным делом, хотя эту иллюзию разделяет большинство ученых и политиков, воспитанных в рамках политического сциентизма и кратоцентризма. Всякая истина является таковой лишь в рамках определенной теоретической системы, поэтому задача обеспечения политиков «объективным» анализом событий, которого будто бы желают политики, практически неразрешима. Цели науки, власти и политики всегда относительны, поскольку многое зависит от исходных посылок. Ученые немного могут сказать политикам, если сами не желают реализовать определенную политическую программу. Но стремление воплотить в жизнь рационалистический идеал приводит к различным формам идеократии. Теоретическое знание, политика и система ценностей в современных обществах находятся в сложных отношениях взаимоотрицания и взаимополагания.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Блакар Р.* Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М, 1987; *Макаренко В.П.* Язык политический// Политология: энциклопедический словарь. М., 1993.
2. См.: *Ляпин С.Х.* Идеальные типы фактуальности // Философские исследования. 1995. № 1.
3. *Кмита Е.* Очерки теории научного познания. Варшава, 1976. С. 219.
4. См.: *Колаковский Л.* Культура и фетиши. Варшава, 1967.